

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-8-22

УДК 93/94

ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭМИГРАНТОВ XX ВЕКА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Пономарева Мария Александровна

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
ponomariya@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу проектов о будущем России в работах выдающихся представителей общественно-политической элиты XX в. Обратившись к аналогии с романом М.А. Булгакова «Бег», мы соотносим исход с эсхатологическим мировоззрением российской интеллигенции, отмечая, что эмиграция из России всегда сопровождается глобальными изменениями в политической и социально-экономической жизни. Мы прослеживаем последовательность представлений авторов, учитывая смену идеологической парадигмы, именно поэтому среди исследуемого нами эмигрантского наследия нет эмиграции послевоенных 1940-х, равно как и эмиграции 1980-х гг. Наша задача состояла в том, чтобы сравнить позиции выдающихся представителей эмиграции (русской и советской) с точки зрения сохранения в их мировоззрении старой картины российского мира. В статье рассматриваются воззрения представителей разных волн эмиграции. Так, изучаются взгляды на будущее Великой России П.Б. Струве, особое внимание уделяется представлениям А.Ф. Керенского, В.А. Маклакова, Д.М. Панина, В.Н. Войновича. Анализируются проекты «Великой России», возможности воссоздания допетровской Московии, вероятность возвращения нестабильной внешнеполитической ситуации в России, а также программы построения идеального коммунистического общества (на примере диссидентских проектов и программ).

Ключевые слова: эмиграция, проекты будущего России, русское зарубежье, русская эмиграция, П.Б. Струве, А.Ф. Керенский, В.А. Маклаков, Д.М. Панин, В.Н. Войнович.

Цитирование: Пономарева М.А. Проекты будущего советской России в представлениях эмигрантов XX века: опыт сравнительного анализа // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 8–22. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-8-22 / Ponomareva M.A. Projects of the Future of Soviet Russia in the Ideas of Emigrants of the 20th Century: the Experience of Comparative Analysis, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 2. Pp. 8–22. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-8-22.

© Пономарева М.А., 2024

PROJECTS OF THE FUTURE OF SOVIET RUSSIA IN THE IDEAS OF EMIGRANTS OF THE 20TH CENTURY: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Ponomareva Maria A.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
ponomariya@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of projects about the future of Russia in the works of prominent representatives of the socio-political elite of the twentieth century. Turning to the analogy with M.A. Bulgakov's novel "Running", we correlate the outcome with the eschatological worldview of the Russian intelligentsia. Noting that emigration from Russia is always accompanied by global changes in political and socio-economic life. We trace the sequence of the authors' ideas, taking into account the change of the ideological paradigm, which is why there is no emigration of the post-war 1940s, as well as emigration of the 1980s, among the emigrant heritage we study. Our task was to compare the positions of prominent representatives of emigration (Russian and Soviet) according to the results in terms of preserving the old picture of the Russian world in their worldview. The article examines the views of representatives of different waves of emigration. Thus, P.B.'s views on the future of Great Russia are being studied. Struve, special attention is paid to the ideas of A.F. Kerensky, V.A. Maklakov, D.M. Panin, V.P. Voinovich. The article analyzes the projects of "Great Russia", the possibility of creating a pre-Petrine Muscovy, the likelihood of a return of the unstable foreign policy situation in Russia, as well as programs for building an ideal communist society (using the example of dissident projects and programs).

Keywords: Russian emigration, projects of the future of Russia, Russian abroad, Russian emigration, P.B. Struve, A.F. Kerensky, V.A. Maklakov, D.M. Panin, V.P. Voinovich.

...В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово!

(М. Булгаков. Бег. 1928)

М.А. Булгаков в пьесе «Бег» в восьми сновидениях раскрывает переживание российской интеллигенцией одного из самых значительных явлений первой четверти XX в. — исход тысяч соотечественников, покинувших родные места после коренного слома системы и мировоззрения. Пьеса-реквием была окончена в 1928 г., когда стало окончательно ясно, что власть большевиков в Советской России окрепла, а русские эмигранты бесповоротно оказались вне складывающейся реальности. Но гораздо важнее оказался факт осознания ими крушения старого уклада и представлений (М. Булгаков описывает монастырь и отношение героев к христианским ценностям) и невозможность принятия новых (жадность, подлость и эгоизм в пьесе неразрывно связаны с денежным началом). Об этом же пишет А.И. Деникин, отмечая, что «...народ поистине христианский терял постепенно свой облик, попадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни...» [Деникин, 2020, с. 9]. И вместе с тем для действующих лиц пьесы М. Булгакова эмиграция — это существование на грани смешения реальности и сновидения, в котором переплетаются воспоминания, грезы и повседневная жизнь [Булгаков, 2004].

Историограф русского зарубежья и активный участник общественной жизни русской эмиграции в Париже П.Е. Ковалевский считает, что цвет русской интеллигенции, покинувший страну между 1920 и 1925 г., представлял собой «вне новых границ страны значительные группы населения, оказавшиеся — в силу международных договоров и отхода от России целых областей — вне пределов родины, но говоривших по-русски, считавших себя русскими и тяготевших к тем культурным центрам, в которых сосредоточилось русское рассеяние 1920–1925 годов» [Ковалевский, 2019, с. 14]. Необходимо помнить, что опыт предыдущих этапов эмиграции в России показывал, что еще в XIX в. вводились запреты на возвращение эмигрантов (например, накануне Польского восстания 1863 г.), практиковались отказы в выдаче виз и выставление отметок в паспортах о запрете. Данный опыт был некоторым образом нивелирован тем, что значительное количество эмигрантов покидали страну нелегально, следовательно, не проходили установленные государством процедуры. Заграничные консульства и посольства не считали, что удовлетворение потребностей и интересов эмигрантов — российских подданных за рубежом — входит в круг их обязанностей [Лор, 2017, с. 155]. Но и зарубежные правительства не спешили принимать эмигрантов из России. С одной стороны, они опасались попадания в страны Европы большевистской пропаганды, с другой стороны, русская эмиграция представляла собой угрозу социально-экономической стабильности в Европе [Письмо А.А. фон Лампе..., 2012, с. 345].

Эмигранты первой волны, в частности П.Б. Струве или, скажем, представитель иного политического спектра русского зарубежья Н.В. Устрялов, считали, что

у большевизма нет будущего, поскольку сам большевизм — это антиутопия [Сангаджиев, 2009]. А если и есть, то это будущее изменит большевизм, тем самым одновременно уничтожив его суть. С введением в Советской России нэпа среди эмигрантов возобладало мнение, что большевики — это надолго. В связи с этим каждое направление российской эмиграции выдвигало собственные проекты перерождения большевизма, иногда весьма утопические, разделявшие и без того мозаичный эмигрантский мир на полярные части, не понимавшие и не принимавшие идей и действий друг друга. Характерным примером является поддержка рядом представителей русской эмиграции нападения Гитлера на СССР, что, по их мнению, должно было способствовать освобождению мира от нацизма и большевизма одновременно. Большая часть российской эмиграции осудила подобного рода представления своих соотечественников, отмечая, что необходимо сплотиться в противостоянии нацизму, поскольку он противоречит идеям гуманизма и прогресса и ставит под угрозу сам факт существования Родины. Как бы то ни было, эмиграция ощущала себя частью и новой России. В этом, по мнению Ю.Н. Емельянова, «просматривается логика жизни эмиграции — логика служения своему Отечеству, четкого понимания единства и неделимости великой русской культуры» [Емельянов, 2008, с. 243].

Будущее мира тревожило воображение многих как советских (а затем российских), так и зарубежных исследователей [Резник, 2020; Ирхин, 2019]. Э. Тоффлер в работе «Шок будущего» показал мрачное антиутопичное общество, в котором высокотехнологичная элита будет стремиться удерживать массы под контролем [Тоффлер, 2002]. Джон Нейсбит опубликовал в 1982 г. бестселлер «Мегатренды», в котором предсказал быстрый рост мировой экономики и общества, для которого информация будет товаром наравне с выпускаемой продукцией [Нейсбит, 2003]. Достаточно подробно сюжеты, связанные с описанием особенностей государственного и общественного строя, повседневной жизни в Советской России, рассмотрены в монографии Г.Б. Куликовой, которая ставит целью «понять особенности восприятия ими (эмигрантами. — М. П.) окружающего “нового экспериментального мира”, степень их знакомства с советской страной и советскими людьми, их наблюдения, споры, восторги и заблуждения, рассуждения и доступные им выводы» [Куликова, 2013, с. 14].

Основываясь на историко-генетическом методе, представляется возможным последовательно рассмотреть изменения в видении образов будущего эмигрантами XX в. в зависимости от происходящих реформ как в общественно-политической, так и в социально-экономической сфере. Через отдельные представления о «советском проекте будущего» мы воспроизводим реальную историю общественной мысли представителей эмигрантского сообщества советского периода в самом ее специфическом измерении — футурологически-конструктивистском. При анализе мы затрагиваем две основные формы утопии: «утопию побега» и «утопию человеческого замысла» [Клеес, 2018]. С другой стороны, мы исходим из позиции, разработанной одним из основоположников неомарксизма — Антонио Грамши, который

в книге «Современный государь» писал: «Предполагать, будто существует чисто «объективное» предвидение — полнейшая нелепость» [Грамши, 2020]. Кроме того, опираясь на метод структурно-диахронного анализа, разработанный И.Д. Ковальченко, мы постараемся дать характеристику динамики альтернативных исторических систем на фоне более сложной системы советского общества и соотнести динамику систем друг с другом [Теория и методология..., 2014, с. 153–154], определив точки бифуркации, которые, по мнению авторов, должны были определить изменение режима в СССР.

Российские исследователи периодически обращаются к изучению утопических взглядов интеллигенции. Классической работой является труд Л. Геллера и М. Нике, в котором рассматриваются особенности развития утопии в России на разных этапах ее истории, прослеживается взаимозависимость между содержанием утопий и теми или иными социальными группами, которым они принадлежат [Геллер, 2003]. В работах, посвященных взглядам советских диссидентов, изучаются как собственно утопии, так и представления о постсоветской России [Вандалковская, 2009; Вандалковская, 2015; Лиокумович, 2005; Гросс, Пономарева, 2022]. В последнее время проходит ряд конференций и круглых столов, в повестку которых включены вопросы, посвященные формированию и развитию советского проекта и утопических представлений в российском обществе [Советская темпоральность..., 2024; Сидоров, 2022; Хубулова, 2021].

Образы будущего России как альтернативы существующему советскому проекту стали пунктом приложения сил как представителей первой волны русской эмиграции, так и последующих эмигрантов из страны. Каждый из приведенных ниже примеров утопии явился результатом переживания экзистенциального опыта, глобальных потрясений либо осознания их авторами несоответствия собственной идейной парадигмы общепринятым представлениям и убеждениям.

В первую очередь, можем ли мы назвать утопией представления П.Б. Струве о «Великой России» в эмиграции? М. Колеров считает, что все перевороты в политическом сознании П.Б. Струве развивают именно эту идею, «вдохновенную британским империализмом, который сопровождал внешнюю государственную мощь внутриполитическим либерализмом» [Колеров, 2020, с. 252]. Так что же это за идея «Великой России»? В статье, написанной в 1914 г., на волне общественной поддержки военных решений российского правительства, П.Б. Струве утверждал, что это, в первую очередь, государственная формула России как национального Государства-Империи, которое, будучи многонародным, одновременно обладает и национальным единством [Струве, 2020, с. 342–343]. Главная задача России — объединить все части русского народа, следовательно, присоединить Галичину, возродить Польшу как единый национальный организм, а также подвести под собственное влияние выход из Черного в Средиземное море.

Во внутреннем устройении Великая Россия основывается на верховенстве права и идее русского духовного бытия. В связи с этим необходим союз Великой

России и Святой Руси как воплощение идеи русской правды. В будущей России П.Б. Струве виделись только две творческие, «влекущие и построяющие» идеи: национальная и крестьянская. Все будущие политические партии, пришедшие на смену коммунистам, должны быть национальными, а самые сильные из них должны назвать себя прямо и просто: русская партия, которая по своему составу должна быть крестьянской. Кроме того, в стране должен сохраняться «суд правый и милостивый», а государственная власть должна полностью воздержаться от вторжения в дела совести и веры [Струве, 1928, с. 103]. Построение будущей Великой России было необходимо в т.ч. путем обучения народа ее истории. Как пишет П.Б. Струве, «нужно учить этой науке так, чтобы учащихся охватывал национальный трепет и в них зажигалось внутреннее неугасимое пламя патриотизма» [Струве, 1999, с. 362].

А.Ф. Керенский, в отличие от П.Б. Струве, по итогам «предательства Лениным и его сообщниками» интересов России во время Первой мировой войны рисует безрадостную картину будущего: союзники относились к России как к побежденной стране, следовательно, стремились обернуть баланс сил в свою пользу: «Русские границы, согласно этим планам, должны были соответствовать границам допетровской Московии, а от Западной Европы ее отделял бы пояс малых и средних государств, находящихся под защитой держав-победительниц» [Керенский, 2006, с. 485]. Интервенция в Россию союзников преследовала, кроме того, две основные цели: в западных провинциях, утраченных по Брест-Литовскому договору, укрепить новые, независимые от России, государства, а в самой стране установить стабильное подотчетное правительство, готовое признать навязанные ему границы [Керенский, 2006, с. 485].

В.А. Маклаков выделял три значимые категории в российском обществе, от которых зависело будущее России: культурная общественность, которая «с большой самоуверенностью присвоила себе право говорить именем всех»; обыватель, который шел и за кадетами, и за Временным правительством до тех пор, пока видел, что они выступают за Россию; широкие массы, инерция которых перешла на защиту нового строя только после того, как власть «бросила все и ушла»: «страна поступила как испуганный пассажир, который, перестав верить шоферу, на всем ходу прыгает из автомобиля» [Маклаков, 2023, с. 510].

Волна русской эмиграции, сложившейся в 1960–1970-е гг., обладала характерными, ни на что не похожими чертами. И. Кукулин дает подробное описание феномена формирования концепций альтернативной истории как ухода от советских реалий. Правда, он рассматривает этот процесс как идущий внутри государства [Кукулин, 2007]. А что же оставалось тем, кого не устраивало будущее, предложенное проправительственными и правительственными силами? По словам ряда исследователей, отказ от борьбы за единство истины в российской эмиграции 1960–1970-х гг. привел не к политической апатии, а к «стрельбе по своим штабам»: «...интеллектуалы стали жителями воображаемой культуры “иного” с целью

обрести способность различать конструктивные особенности тех культур, к которым они принадлежали» [Митрофанова, 2013, с. 168].

Д.М. Панин в 1972 г. написал работу «Как провести революцию в умах СССР», которая вышла в 1981 г. в г. Сан-Франциско. В этом небольшом труде он отразил политическую систему, существовавшую в СССР на тот момент. Д.М. Панин – марксист, и его мировоззрение зримо прослеживается в его концепции противостояния старому режиму и описании будущего страны. Автор отвечает на вопросы: какое общество будет создано после революции? Что явилось точкой бифуркации, запустившей «новый мир»? Выстроенная им картина будущего, с одной стороны, соответствует самым смелым описаниям коммунистического мира, с другой – граничит с мистикой. Д.М. Панин утверждает, что в будущем страну ждут глобальные изменения, которым режим успешно противостоит. У населения отберут радиоприемники, перестанут выпускать радиодетали, будут взрывать функционирующие радиостанции. Несмотря на это, радио «Свобода» выведет народ из-под власти государства, произойдет радиореволюция, которая приведет к падению коммунистического режима в СССР – это и станет точкой бифуркации, предопределившей смену системы. В СССР появится «Общество независимых». Будет разрешена любая личная инициатива. Первыми шагами новой власти станут: установление гражданских свобод, уничтожение паспортной системы, открытие границ, роспуск КГБ и КПСС, пересмотр дел заключенных. Не меньшие изменения, как считает Д.М. Панин, произойдут и в экономической системе; в частности, все жилые дома перейдут в собственность жильцов. Запасы продовольствия будут перераспределяться по твердым ценам среди населения. Несмотря на временное сохранение советских денег, постепенно будет вводиться новая валюта, обеспеченная золотым фондом государства. Госпредприятия превратятся в акционерные компании, акции которых будут распределены между всеми их постоянными сотрудниками; управлять предприятиями станут нанятые для этого или избранные административные работники. Появится фермерство: земли и скот будут переданы бывшим колхозникам и работникам совхозов, возникнут товарищества собственников земли. Те, чья профессия не предусматривает непосредственного создания материальных благ (например, врачи, ученые, военные, чиновники), смогут получить первоначальный пай за счет концессий. Военную промышленность ожидает максимальное сокращение и конверсия. При таком состоянии крупное государство станет анахронизмом, возникнет союз разных стран с системой управления, исключающей диктатуру. При этом народ каждой такой страны будет вершить свою судьбу сам. Д.М. Панин раскрывает этот тезис на примере Латвии: голосовать могут только латыши, т.е. те из них, кто проживает на этой территории и кто переедет на постоянное место жительства из Сибири, США и других мест. Представители других национальностей, находящиеся на заработках в Латвии, смогут спокойно вернуться домой, так как в любой части страны установится благополучная жизнь. Те же, кто останется, сроднится с местным населением и получит те же права, что и коренные латыши. Эти права будут гарантированы «международными национальными силами освобождения» [Панин, 1981, с. 23].

Как мы видим, сценарий 1972 г. в целом получил воплощение в последующее тридцатилетие. Созданная одним из представителей диссидентского движения в СССР картина будущего его страны нами, живущими в сегодняшней России, представляется гениальным прозрением и верным прогнозом.

Наконец, обратимся к известной антиутопии «Москва 2042» [Войнович, 2017], созданной В.Н. Войновичем, который был лишен гражданства в 1981 г. и написал Л.И. Брежневу: «Я Вашего указа не признаю и считаю его не более чем филькиной грамотой. Юридически он противозаконен, а фактически я как был русским писателем и гражданином, так им и останусь до самой смерти и даже после нее» [Войнович, 1981]. Точка бифуркации в этой антиутопии появляется к концу книги, когда, собственно, Гениалисимусс, который являлся однокашником главного героя – диссидента Виталия Карцева, оказывается поверженным и высказывает простую, но никем не понятую ранее мысль – что для того, чтобы разрушить коммунизм, надо его построить: «Все эти люди от Маркса и до меня, заразив коммунизмом человечество, дали ему возможность переболеть этой болезнью и выработать иммунитет, которого, может быть, хватит на много поколений вперед» [Войнович, 1981].

У В.Н. Войновича описаны четыре пути развития событий как альтернативной реальности: первый – невмешательство в исторический процесс (именно по этому пути идет главный герой – диссидент, позиционирующий себя сторонним пассивным наблюдателем); второй – самоубийство коммунизма (руками Гениалисимусса). Третий путь ведет через интеллектуальное осуждение режима – это «глыбы», которые писал Семыч (в этом образе В.Н. Войнович описал А.И. Солженицына). И, наконец, четвертый – путь воинствующего Серафима: от построения утопии в своем небольшом хозяйстве до провозглашения самого себя императором. Таким образом, в своей антиутопии В.Н. Войнович создал пародию на советскую систему, современником которой он был, придал ей гротескный характер, описал новый мир, основанный, фактически, на триаде: государь – религия – народ (православие – самодержавие – народность).

Не менее интересную утопию представил И.А. Ефремов [Ефремов, 2008]. Его роман, в отличие от «Москвы 2042» – о светлом будущем страны и человечества в целом [Ефремов, 2008]. Общая картина дается в лекции одного из членов экипажа звездного корабля, прочитанной им для потенциальных друзей планеты Земля. Автор делит всю историю человечества на несколько этапов: ЭРМ – Эра Разобщенного Мира (эпоха разобщенности больших и малых народов); Эра Великого Кольца (характеризуется как «противоречивая история развития производительных сил вместе с формированием идей, искусства, знания, духовной борьбы за настоящего человека и человечество... из которых выросло и расцвело на всей планете могучее дерево коммунистического общества»); век Расщепления (период борьбы и распада единого мира на два лагеря, состоящих из государств с различными экономическими устройствами: старых – капиталистических и новых – социалистических). Автор считает, что будущее человечества – «в труде,

в соединенных усилиях миллионов свободных от угнетения людей, в науке и переустройстве жизни на научных основах». Новое устройство жизни распространится на всю Землю. Самым ярким периодом истории станет ЭМВ – Эра Мирового Воссоединения, состоявшая из веков Союза Стран, Разных Языков, Борьбы за Энергию и Общего Языка. В этот период различные народы и расы станут единой, дружной и мудрой семьей. Наконец, в период ЭОТ (Эры Общего Труда с ее веками Упрощения Вещей, Переустройства, Первого Изобилия и Космоса) труд превратится в творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся вид деятельности. Автор отмечает, что развитие кибернетики – техники автоматического управления, широкое образование и интеллигентность, отличное физическое воспитание каждого человека позволят в будущем менять профессии, быстро овладевать другими и без конца разнообразить трудовую деятельность, находя в ней всё большее удовлетворение.

Довольно очевидно, что в утопии И.А. Ефремова получили отражение основные требования к власти, которые обсуждала и высказывала наиболее активная диссидентски настроенная часть советской интеллигенции в позднесоветский период.

Резюмируя, отмечу, что чтение между строк, опора на историческую память при создании версионности будущего – один из важнейших элементов советского прошлого, ставший частью и современного российского общественного сознания. Д.С. Лихачев назвал историю «четвертым измерением мира». «Если вы не видите за окружающим вас миром его прошлого, он для вас пуст», – писал он в своих письмах [Лихачев, 2018].

Как мы убедились, точкой бифуркации российской/советской действительности для эмигрантов XX в. становились глобальные изменения окружающей их действительности, будь то смена режима в начале XX столетия, мировоззренческое противостояние интеллигенции и власти в позднесоветский период либо распад СССР в начале 1990-х гг.

Представители русского зарубежья в своих проектах будущего России исходили из идеи недолговечности советской власти. Их проекты идеального будущего были обращены в их собственное «идеальное прошлое» и представляли собой целый спектр утопических моделей: от возврата к монархии в разных ее вариантах до трансформации марксизма – в утопический или даже анархический социализм. В отличие от интеллигенции первой волны, эмигранты позднесоветского периода осознавали степень устойчивости и адаптивности политического режима, сформировавшегося в СССР, поскольку уже имели немалый опыт общения с ним – вместе с Советским Союзом они пережили и войну, и репрессии, и оттепель. Поэтому они строили утопии, обернувшиеся в конечном итоге прогнозами будущего развития страны, обладавшими значительной степенью точности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Булгаков М.А. Бег (Восемь снов). Пьеса в четырех действиях: Пьесы. М.: АСТ: ВЗОИ, 2004. 508 с.

Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. М.: ИРИ РАН, 2009. 432 с.

Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 237 с.

Войнович В.Н. Москва 2042. М.: Э, 2017. 477 с.

Войнович В.Н. Открытые письма. 17 июля 1981 года. Мюнхен. URL: <https://www.rulit.me/books/otkrytue-pisma-read-145887-3.html?ysclid=ly28bnarqo788886407> (дата обращения – 20.06.2024 г.).

Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 310 с.

Грамши А. Наука политики (из «Тюремных тетрадей»). «Современный Государь» // *Грамши А., Лукач Д.* Наука политики. Как управлять народом. М.: Родина, 2020. С. 18–25.

Гросс А.А., Пономарева М.А. Диссидентская субъективность: моральные поиски и конструирование личности в жизни, автобиографических текстах и поэзии Александра Есенина-Вольпина (1930-е–1960-е гг.) // *Вопросы истории.* 2022. № 6–2. С. 140–154.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. 1452 с.

Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М.: Русская панорама, 2008. 494 с.

Ефремов И. Туманность Андромеды. М.: Литрес, 2008. 410 с.

Ирхин А.А. Будущее России только в «Красном проекте»? // *Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г.* Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: МПГУ, 2019. С. 173–174.

Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М.: Центрполиграф, 2006. 524 с.

Клеес Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // *Практики и интерпретации.* 2018. Т. 3 (3). С. 145–166.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия 1920–1970. Нижний Новгород: Черная Сотня, 2019. 624 с.

Колеров М.А. Петр Струве: революционер без масс. 1870–1918. М.: изд-во книжного магазина «Циолковский», 2020. 464 с.

Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // *НЛО.* 2007. № 6. С. 169–201.

- Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. Очерки документированной истории. М.: ИРИ РАН, 2013. 369 с.
- Лиюкумович Е.А. Диссидентская утопия в советском культурном пространстве: автореферат дис. ... канд. философских наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т., 2005. 25 с.
- Лихачев Д.С. Четвертое измерение. М.: АСТ, 2018. 736 с.
- Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 344 с.
- Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 744 с.
- Митрофанова А. Философская эмиграция 70-х в контексте глобализма и различия культурных типов // *Труды Международной научной конференции «Культура русского зарубежья 1990–2010»: сборник статей*. Под ред. А.Л. Хлобыстина. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 167–174.
- Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: АСТ; Ермак, 2003. 380 с.
- Панин Д.М. Как провести революцию в умах в СССР. Сан-Франциско: Глобус, 1981. 25 с.
- Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру // *Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сб. док.* М.: АИРО-XXI, 2012. С. 344–349.
- Резник Ю.М. Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуально реконструкции) // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2020. № 4. С. 10–22.
- Сангаджиев Ч.Г. Проблема целостности России в воззрениях эмигрантов-евразийцев (1921–1938 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2009. 26 с.
- Сидоров И.Т. Советский проект развития общества как проект созидания // *Чуриновские чтения: антиэнтропийные процессы в природе и обществе. Материалы круглого стола: сборник научных трудов. Красноярск, 26 мая 2021. Вып. 2*. Под общей редакцией С.П. Дуреева. Красноярск: изд-во СГУНиТ им. ак. М.Ф. Решетнева, 2022. С. 72–79.
- Советская темпоральность: антропологическое и социокультурное измерение: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 3–4 июля 2023 г.). Отв. ред. М.А. Пономарева, А.В. Аверьянов; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2023. 320 с.
- Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // *Колеров М.А. Петр Струве: революционер без масс. 1870–1918*. М.: изд-во книжного магазина «Циолковский», 2020. С. 342–348.
- Струве П.Б. Две творческие идеи в политике возрожденной России // *Россия и слаянство*. 1928. № 2. 8 декабря (5/263). С. 103.

Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа ... // Струве П.Б. *Избранные сочинения*. М.: РОССПЭН, 1999. С. 350–362.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.

Хубулова С.А. «Советский проект» и его реализация на Северном Кавказе в 1920-е гг. // *Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие: материалы конференции*. Отв. ред. В.В. Касьянов, А.В. Баранов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 68–72.

REFERENCES

- Bulgakov M.A. *Beg (Vosem' snov). P'esa v chetyrekh deistviyakh: P'esy* [Beg (Eight dreams). A play in four acts: Plays]. Moscow: AST: VZOI, 2004. 508 p. (in Russian).
- Vandalkovskaya M.G. *Istoricheskaya mysl' russkoi emigratsii. 20–30-e gg.* [Historical thought of Russian emigration. 20–30-ies]. Moscow: IRI RAN, 2009. 432 p. (in Russian).
- Vandalkovskaya M.G. *Prognozy postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoi istoriografii (20–30-e gg. XX v.)* [Forecasts of the post-Bolshevik structure of Russia in emigrant historiography (20–30-ies of the 20th century)]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 237 p. (in Russian).
- Voinovich V.N. *Moskva 2042* [Moscow 2042]. Moscow: E, 2017. 477 p. (in Russian).
- Voinovich V.N. *Otkrytye pis'ma. 17 iyulya 1981 goda. Myunkhen* [Open letters. July 17, 1981. Munich]. Available at: <https://www.rulit.me/books/otkrytye-pisma-read-145887-3.html?ysclid=ly28bnarqo788886407> (accessed 20 June 2024).
- Geller L., Nike M. *Utopiya v Rossii* [Utopia in Russia]. St. Peterburg: Giperion, 2003. 310 p. (in Russian).
- Gramshi A. *Nauka politiki (iz «Tyuremnykh tetradei»)*. «Sovremennyy Gosudar'» [The Science of Politics (from “Prison Notebooks”). “The Modern Sovereign”], in Gramshi A., Lukach D. *Nauka politiki. Kak upravlyat' narodom*. Moscow: Rodina, 2020. Pp. 18–25 (in Russian).
- Gross A.A., Ponomareva M.A. Dissidentskaya sub"ektivnost': moral'nye poiski i konstruirovaniye lichnosti v zhizni, avtobiograficheskikh tekstakh i poezii Aleksandra Esenina-Vol'pina (1930-e–1960-e gg.) [Dissident subjectivity: Moral searches and the construction of personality in the life, autobiographical texts and poetry of Alexander Yesenin-Volpin (1930–1960-s)], in *Voprosy istorii*. 2022. No. 6–2. Pp. 140–154 (in Russian).
- Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty* [Essays on the Russian troubles]. Moscow: ALFA-KNIGA, 2020. 1452 p. (in Russian).
- Emel'yanov Yu.N. *Istoriya v izgnanii: Istoricheskaya periodika russkoi emigratsii (1920–1940-e gody)*. [History in Exile: Historical Periodicals of Russian Emigration (1920–1940s).] Moscow: Russkaya panorama, 2008. 494 p. (in Russian).

Efremov I. *Tumannost' Andromedy* [The Andromeda Nebula]. Moscow: Litres, 2008. 410 p. (in Russian).

Irkhin A.A. Budushchee Rossii tol'ko v «Krasnom proekte»? [Is the future of Russia only in the "Red Project"?], in *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: Instituty, proekty, aktory: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN, g. Moskva, MPGU, 6–7 dekabrya 2019 g.* [Trajectories of Russia's political development: Institutes, projects, actors: materials of the All-Russian Scientific Conference RAPN, Moscow, MPSU, December 6–7, 2019]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. Moscow: MPGU, 2019. Pp. 173–174 (in Russian).

Kerenskii A.F. *Rossiya v povorotnyi moment istorii* [Russia is at a turning point in history]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 524 p. (in Russian).

Klees G. Utopiya i utopizm: istoriya osmysleniya ponyatii [Utopia and Utopianism: the history of understanding Concepts], in *Praktiki i interpretatsii*. 2018. Vol. 3 (3). Pp. 145–166 (in Russian).

Kovalevskii P.E. *Zarubezhnaya Rossiya 1920–1970* [Foreign Russia 1920–1970]. N. Novgorod: Chernaya Sotnya, 2019. 624 p. (in Russian).

Kolerov M.A. Petr Struve: revolyutsioner bez mass. 1870–1918 [Struve: the revolutionary without the masses. 1870–1918] Moscow: izd-vo knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», 2020. 464 p. (in Russian).

Kukulin I. Al'ternativnoe sotsial'noe proektirovanie v sovetskom obshchestve 1960–1970-kh godov, ili Pochemu v sovremennoi Rossii ne prizhilis' levye politicheskie praktiki [The international social movement in Soviet society of the 1960s and 1970s, or why left-wing political practices have not taken root in modern Russia], in *NLO*. 2007. No. 6. Pp. 169–201 (in Russian).

Kulikova G.B. *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaya Rossiya 1920-1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov. Ocherki dokumentirovannoi istorii* [A new world through the eyes of an old one. Soviet Russia of the 1920s and 1930s through the eyes of Western intellectuals. Sketches of documented history] Moscow: IRI RAN, 2013. 369 p. (in Russian).

Liokumovich E.A. Dissidentskaya utopiya v sovetskom kul'turnom prostranstve [Dissident utopia in the Soviet cultural space]. Abstract of the dissertation of the candidate of Philosophical sciences: 24.00.01. Rostov-on-Don: Rost. gos. un-t., 2005. 25 p. (in Russian).

Likhachev D.S. *Chetvertoe izmerenie* [The fourth dimension]. Moscow: AST, 2018. 736 p. (in Russian).

Lor E. *Rossiiskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu* [The fourth dimension]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 344 p. (in Russian).

Maklakov V.A. *Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroi Rossii: vospominaniya sovremennika* [The government 'and the public' at the end of Old Russia: memoirs of a contemporary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 744 p. (in Russian).

Mitrofanova A. Filosofskaya emigratsiya 70-kh v kontekste globalizma i razlichiya kul'turnykh tipov [Philosophical emigration of the 70s in the context of globalism and differences in cultural types], in *Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konfeentsii «Kul'tura*

russskogo zarubezh'ya 1990–2010»: sbornik statei [Proceedings of the International Scientific Conference “Culture of the Russian Abroad 1990–2010”: collection of articles]. Ed. by A.L. Khlobystin. St. Petersburg: SPbGU, 2013. Pp. 167–174 (in Russian).

Neisbit J. *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow: ACT; Ermak, 2003. 380 p. (in Russian).

Panin D.M. *Kak provesti revolyutsiyu v umakh v SSSR* [How to carry out a revolution in the minds of the USSR] San-Frantsisko: Globus, 1981. 25 p. (in Russian).

Pis'mo A.A. fon Lampe E.K. Milleru. [Letter from A.A. von Lampe to E.K. Miller], in *Aleksei fon Lampe – voennyi agent barona Vrangelya v Vengrii. Sb. dok.* [Alexey von Lampe – Baron Wrangel's military agent in Hungary. Sat. doc.]. Moscow: AIRO-XXI, 2012. Pp. 344–349 (in Russian).

Reznik Yu.M. Dva proekta tsivilizatsionnogo budushchego Rossii: Khantington protiv Danilevskogo (opyt aktual'no rekonstruktsii) [Two projects of the civilizational future of Russia: Huntington vs. Danilevsky (the experience is relevant to rekonstruktsii)], in *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 2020. No. 4. Pp. 10–22 (in Russian).

Sangadzhiev Ch.G. Problema tselostnosti Rossii v vozzreniyakh emigrantov-evraziitsev (1921–1938 gg.). [The problem of the integrity of Russia in the views of Eurasian emigrants (1921–1938)]. Abstract of the dissertation of the candidate of Historical sciences: 07.00.02. Stavropol', 2009. 26 p. (in Russian).

Sidorov I.T. Sovetskij proekt razvitiya obshhestva kak proekt sozidaniya [The Soviet project for the development of society as a project for the creation], in *Churinovskie chteniya: antientropijnnye processy v prirode i obshhestve. Materialy kruglogo stola: sbornik nauchnyh trudov. Krasnojarsk, 26 maja 2021. Vyp. 2.* [Churinovsky readings: antientropic processes in nature and society. Materials of the round table: a collection of scientific papers. Krasnojarsk, May 26, 2021. Vol. 2]. Ed. by S.P. Dureev. Krasnojarsk: izd-vo SGUNIT im. Ak. M.F. Reshetneva, 2022. Pp. 72–79 (in Russian).

Sovetskaya temporal'nost': antropologicheskoe i sotsiokul'turnoe izmerenie: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Rostov-na-Donu, 3–4 iyulya 2023 g.) [Soviet temporality: anthropological and socio-cultural dimension: materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation (Rostov-on-Don, July 3–4, 2023)]. Ed. by M.A. Ponomareva, A.V. Averyanov. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2023. 320 p. (in Russian).

Struve P.B. Velikaya Rossiya i Svyataya Rus' [Great Russia and Holy Russia], in Kolerov M.A. *Petr Struve: revolyutsioner bez mass. 1870–1918* [Peter Struve: a revolutionary without the masses. 1870–1918]. Moscow: izd-vo knizhnogo magazina «Tsiolkovskii», 2020. Pp. 342–348 (in Russian).

Struve P.B. Dve tvorcheskije idei v politike vrozhdennoi Rossii [Two creative ideas in the politics of a reborn Russia], in *Rossiya i slavnaystvo*. 1928. No. 2. 8 dekabrya (5/263). P. 103 (in Russian).

Struve P.B. Poznanie revolyutsii i vrozhdenie dukha [The knowledge of revolution and the rebirth of the spirit], in Struve P.B. *Izbrannye sochineniya* [Selected writings]. Moscow: ROSSPEN, 1999. Pp. 350–362 (in Russian).

Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'. [Theory and methodology of historical science. Terminology Dictionary]. Ed. A.O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon, 2014. 576 p. (in Russian).

Toffler A. *Shok budushchego* [Future shock]. Moscow: AST, 2002. 557 p. (in Russian).

Khubulova S.A. «Sovetskii proekt» i ego realizatsiya na Severnom Kavkaze v 1920-e gg. [“The Soviet project” and its implementation in the North Caucasus in the 1920s], in *Vzaimootnosheniya sovetskoi vlasti i obshchestva pri realizatsii natsional'noi politiki 1920-kh gg.: istoricheskaya real'nost', pamyat', nasledie: materialy konferentsii* [The relationship of Soviet power and society in the implementation of national policy in the 1920s: historical reality, memory, heritage: materials of the conference]. Ed. V.V. Kasyanov, A.V. Baranov. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2021. Pp. 68–72 (in Russian).

Статья принята к публикации 19.04.2024